

Мариинка связалась с миром через «окно»

Обнаженная натура на сцене Мариинского театра питерских академистов буквально ошеломила (балет Иржи Килиана «Bella figura») *Газета. — 2003. — 4 марта. — с. 15.*

ОЛЬГА ГЕРДТ

Третий международный фестиваль балета в Мариинском театре завершился гала-концертом, посвященным памяти Рудольфа Нуреева. Показали все, что смогли, но и одного только балета Иржи Килиана «Bella figura» в исполнении Нидерландского театра танца (NDT-I) хватало бы, чтобы оправдать десятидневный марафон.

Кроме какого-то агитпроповского ролика на английском языке о карьере «неухоженного маленького татарина», все выглядело вполне достойно. Финальный концерт фестиваля посвятили контактам: русско-французским, отдав тем самым должное и Петлю, и Нурееву, русско-нидерландским, уважив тем самым отца-создателя Петербурга; и даже датско-английским, поскольку элементами этих школ насытил Нуреев перенесенную в Орега русскую классику. О том, каким образом Мариинка контактировала с миром, читайте ниже, судите сами.

в дуэте с Францией

Один из тех, кого Нуреев называл «мои цыплята», эту роль Орега de Paris Манюэль Легри выступил на гала дважды. В первой вещи — «Сюита танцев», общался, по замыслу хореографа Джерома Роббинса, с виолончелью и виолончелисткой (Оксана Мороз, Мариинский театр), игравшей Баха прямо на сцене. Флиртовал, заигрывал, предавался меланхолии. От серии легчайших шагов и маньеристских позочек почти внезапно переходил к экспрессивным вращениям. Не сказать, чтобы виолончель отвечала взаимностью — музыку излучало скорее тело артиста, чем инструмент. Похожим оказался и дуэт с Дианой Вишневой (фрагмент из балета Роялана Пети «Кармен»). Лицом бледен, телом худ, то доверчивый, то подозрительный, Легри сухо отбивал ногой такт, с прищуром курил папироску, ревновал и виртуозно обольщал свою Кармен. Красавица Диана Вишневая, как виолончель, реагировала то слишком резко, то слишком откровенно. И, увы, без той скрытой боовозинки, которая и дово-

дит мужчин в балетах Пети не до убийства, так до самоубийства.

как это делают датчане-англичане

Нуреев, как известно, многим обязан датчанину Эрику Бруну, помогавшему яростно татарину гранить мелкую технику как алмаз. Наследник той же школы, Йохан Кобборг танцует за London Royal Ballet, как и его партнерша Алина Кожокару. В па-де-де из «Фестиваля цветов в Джандано» Августа Бурнониля эта пара превратила технику в орудие флирта. Когда Кобборг стриг воздух острыми, как ножницы, ногами, а Кожокару, наблюдая его щегольство, дулась и прятала глаза, зрители смеялись, как дети. Дуэт из «Ромео и Джульетты» Макмиллана, феноменально музыкальные и артистичные, они сыграли так же не лицом, а танцуя. Так, сначала до смеха, а потом до сентиментальных слез, отлично исполненные раз давно не доводили нашу публику.

привет столице

Москвы на гала не было. Но московский акцент был. Это когда овации сопровождают каждый вздох и шаг на сцене. Это мужская вариация на разрыв живота и аорты, а женская — с ногой возле уха и ослепительной улыбочкой «сексапил номер шесть». Конечно, так жирно и бравурно, как в Москве, звезды Мариинки танцевать органически не способны, но на обложку глянцевого журнала одно па-де-де все же просилось. Успех оглушительный. Скорее всего, потому, что подобная манера не имеет отношения ни к питерской, ни к московской. Скорее, к той «концертной», которая увела из Петербурга в Москву Анастасию Волочкову и от которой уберег звезд парижской Оперы сбжавший на запад Нуреев.

«Bella figura»

Самое совершенное творение, показанное на гала, — культовый балет Иржи Килиана «Bella figura» (Нидерландский театр танца). Обнаженные торсы современных гомунку-

лусов отсылают к античным статуям. Изысканный свет и темный занавес делают пространство на отсеки, а фигуры танцовщиков на части (любимая идея Килиана — «и отсеченная деталь несет в себе гармонию целого»). Дуэты складываются как бы спонтанно — в паузе, середине музыкальной фразы, в удаленной от зрителя точке сцены — и создают ощущение естественного, как дыхание, потока движения. Как ртуть меняющие форму тела танцовщиков парят, как в невесомости. За всю эту космополитичную красоту можно и нужно отдать все занудные разговоры о том, кто кому и чем обязан — классики модернистам, модернисты академистам, Европа России или мы — им всем. Но как ее добиться?

Уже только для того, чтобы доказать, что подобная телесная чистота — результат чистой голландских смещений всего со всем, и стоило показать этот балет в Петербурге. Чех Килиан, конечно, гений, как, впрочем, и Чарин Нуреев. Но среда, которую оба беглеца получили, «открыл» двери в большой мир, как выясняется, тоже что-то значит.